

В соответствующих по содержанию повествованиях ряда других летописей В. Л. Комарович заметил места, с которыми рассказ Лаврентьевской контрастирует по тону и смыслу столь явно, что естественным образом кажется, что контраст этот был создан сознательно. От которого из этих повествований отталкивался редактор? По мнению В. Л. Комаровича, текст Воскресенской летописи представляет собой как раз то, что читалось в протографе Лаврентия. Это далеко не бесспорно: текст Воскресенской летописи через Московский свод конца XV в. и через Софийскую I летопись восходит к рассказу о Батыевой рати, созданному (скомпилированному), по-видимому, где-то в первой половине XV в. А этот рассказ в свою очередь базируется на трех источниках, сохранившихся: 1) Лаврентьевской летописи, 2) Новгородской I летописи младшего и (не полностью) старшего изводов и 3) Ипатьевской летописи. «Таковы три первоначальные летописные традиции в изображении этих событий: северо-восточная, южная и северная», — пишет, убедительно доказывая их независимость, А. Н. Насонов.³⁶ Отсюда следует, что текста, который мог быть в Лаврентьевской до переделки, в ее первоначальных XXI и XXII тетрадах, мы не знаем.

Однако, если, по мысли В. Л. Комаровича, редакция Лаврентия имела публицистический характер, то совершенно ведь не обязательно, чтобы этот его новый текст полемизировал с тем, который он заместил. Вполне и даже более вероятно обратное, а именно, что первоначальный вид рассказа уже представлял удобства для создания нужной публицистической направленности. Это лишь поправки к оформлению мысли В. Л. Комаровича (не затрагивающие ее сути), что рассказ Лаврентьевской летописи явно «контрастирует» с иными летописными текстами. Но так как составного повествования Воскресенской летописи в XIV в., кажется, еще не существовало, речь здесь может идти только о Новгородской I и Ипатьевской летописях. Сравним же соответствующие места этих летописей.

Ипатьевская летопись, сообщив о совещании русских князей в 1223 г., когда они, узнав от половцев о первом приближении татар, решили совместно выступить им навстречу, добавляет: «Юрья же князя великого Суждальского не бы в том свѣтъѣ»; и чуть ниже: «Василка же не бѣ, бѣ бо в Володимерѣ млад». ³⁷ Оттого что русские князья были разбиты в сражении на Калке, специальное упоминание тех, кто не принял участия в походе, выглядит как обвинение. А согласно Лаврентьевской летописи, собравшиеся в Киеве князья «послашася в Володимерь к великому князю Юргю, сыну Всеволожу, прося помочи у него. Он же посла к ним благочестивого князя Василька, сыновца своего, Костянтиновича, с ростовци. И не утяну (не успел, — Г. П.) Василко прити к ним в Русь»; и дальше, после краткого сообщения о разгроме русских войск: «Се же слышав Василко, приключышеся в Руси, възвратися от Чернигова, схранен богом и силою креста честнаго и молитвою отца своего Костянтина и стрья своего Георгия, и вниде в свои Ростов, славя бога и святую богородицу (л. 153 об.). Здесь, как видим, нет и тени обвинения; напротив, Юрий Всеволодич откликается на просьбу и посылает своего племянника с его войсками. Тот же вовсе не «бѣ в Володимере млад», а спешил на помощь, но запоздал, и притом не по собственной вине, а по вышнему промыслу, его берегущему.

В Новгородской I летописи князь Юрий Всеволодич обвинен прямо и резко в неказании помощи в 1237 г. Рязани. По рассказу этой ле-

³⁶ Там же, стр. 442.

³⁷ Эта и дальнейшие цитаты из Ипатьевской летописи см.: ПСРЛ, т. 2, СПб., 1908, стлб. 741, 778—782.